

Чан Чжисинь затянулся сигаретой и сказал:

— Когда Шан Сижуй произнёс такие слова, все поняли, что он в чём-то ущемлён в плане эмоций и желаний. Ему долго объясняли, говорили о человеческих чувствах и логике, он молча слушал, не споря, казалось, что он всё понял и принял к сведению. Но в результате его размышления привели к странным выводам, и он пришёл ко мне и Мэнпин с великодушным предложением: «Раз уж мужчины и женщины должны жениться, чтобы прожить жизнь вместе, я позволю вам быть вместе! Но ты, старшая сестра, должна гарантировать, что я останусь самым важным человеком в твоём сердце, Чан Чжисинь не может быть важнее меня! Никто не может быть важнее меня! Он просто тот, кто будет спать с тобой и рожать детей!»

Чэн Фэнтай ахнул и рассмеялся.

— Он прямо в моём присутствии так сказал! Как Мэнпин могла ответить? Она только сказала: «Чувства — это нечто, что нельзя контролировать, как я могу гарантировать?» Он не принял этого, сказал, что Мэнпин его обманула. В тот раз наш последний разговор закончился полным провалом.

Чан Чжисинь, говоря это, немного разозлился:

— Скажи, разве это не смешно? Мэнпин не продала ему себя, и даже если бы продала, она не могла бы гарантировать свои чувства. Кого она любит, почему это должно быть с его одобрения?

Чэн Фэнтай вздохнул:

— Честно говоря, я даже тронут этой сильной братской любовью.

Чан Чжисинь улыбнулся:

— Если бы он не был таким безумным и жестоким, я бы тоже был тронут.

В это время из спальни раздался лёгкий шум, вероятно, Цзян Мэнпин проснулась. Чан Чжисинь потушил сигарету и пошёл ухаживать за женой, а Чэн Фэнтай встал, чтобы попрощаться.

— Не переживай из-за вчерашнего.

Чан Чжисинь похлопал его по плечу:

— Увидимся позже.

Чэн Фэнтай улыбнулся, сказав, что это должны были быть его слова. Пожав руку Чан Чжисиню, он почувствовал симпатию к его прямолинейности и действительно стал считать его другом.

Чэн Фэнтай вернулся домой, пообедал, немного вздремнул, и наступил вечер. На улице было

холодно, темнело рано, и, похоже, собирался снег. Он поужинал и собрался снова выйти, но Вторая госпожа была недовольна.

— Чей сегодня приём? Второй господин, ты не можешь считать карты своим главным делом.

Чэн Фэнтай, стоя на одном колене на кровати, наклонился и поцеловал её в щеку:

— Моё главное дело — есть, пить и веселиться! А ещё — рожать дочерей со Второй госпожой.

Вторая госпожа, смеясь, оттолкнула его.

Чэн Фэнтай не сказал Второй госпоже, что собирается поговорить с Шан Сижуюем, потому что сам понимал, что это немного опрометчиво. Их отношения с Шан Сижуюем были поверхностными, и они далеко не были настолько близки, чтобы обсуждать личные дела. Но с его характером, если он решил что-то сказать, то должен был сделать это немедленно.

Чэн Фэнтай рано пришёл в Большой театр Цинфэн, постучал и вошёл, чтобы найти Шан Сижуюя. Тот был наполовину загримирован, с одной нарисованной бровью, и, увидев Чэн Фэнтая, понял, что это разговор по душам, и он не сулит ничего хорошего.

— Второй господин Чэн, что случилось?

Чэн Фэнтай, увидев его с одной бровью, едва сдержал смех, подумав, как он вообще мог открыть дверь в таком виде:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Но у меня ещё спектакль.

Чэн Фэнтай, не дожидаясь приглашения, вошёл, снял шляпу и шарф, сел на ближайший диван, закурил и, указывая на Шан Сижуюя сигаретой, сказал:

— Тогда иди играй. Я подожду, сколько нужно.

В гримёрных обычно запрещено курить, но никто не посмел попросить Чэн Фэнтая потушить сигарету. Шан Сижуй молча вернулся на своё место, чтобы закончить грим. Сегодня атмосфера была напряжённой, и обе стороны были подавлены, так что обычного веселья не было. Чэн Фэнтай огляделся: гримёрная театра всегда была яркой, тесной и красочной, но под руководством Шан Сижуюя она стала особенно хаотичной. Костюмы висели в беспорядке, краски были разложены, как на кухне. Вещи были в беспорядке, люди — тем более. Как только Чэн Фэнтай вошёл, взгляды актрис устремились на него, их соблазнительность и кокетство не уступали танцовщицам. Некоторые знали, что это любитель развлечений Второй господин Чэн, который тратит деньги без счёта, и, если удастся его соблазнить, жизнь станет лёгкой. Другие, хотя и не знали Чэн Фэнтая, по его одежде и манерам могли догадаться, что он из знатной семьи или богатый купец. Чиновники не могли позволить себе такую вольность, чтобы

приходить в гримёрную к актрисам, так что это должен был быть либо аристократ, либо богач, к тому же привлекательный, что вызывало интерес.

Одна из актрис, в расстёгнутом костюме, обнажающем белую нижнюю одежду, прошла перед Чэн Фэнтаем, кокетливо покачиваясь, словно готовая обнажить ногу. Чэн Фэнтай с улыбкой проследил за ней взглядом, подумав, что это больше похоже на бордель, чем на театр.

Шан Сижуй, ничего не замечая, сосредоточенно подводил брови. Девушка с косой, Сяо Лай, боясь, что пепел попадёт на костюм, с каменным лицом подошла и поставила перед Чэн Фэнтаем фарфоровую чашку для пепла. Чэн Фэнтай улыбнулся ей, но она осталась невозмутимой.

Чэн Фэнтай сказал:

— Девушка, принесите мне ещё горячего чая.

Сяо Лай сделала вид, что не слышала, и ушла.

Спектакль Шан Сижую закончился в половине десятого. За это время Чэн Фэнтай выкурил полпачки сигарет, мысленно репетируя свою речь, уверенный, что каждое слово будет вдохновляющим и заставит этого лицедея рыдать от раскаяния.

Сегодня Шан Сижуй, похоже, не изменил спектакль, зрители аплодировали долго и громко, и он выходил на поклоны около двадцати минут. Вчера его забрал Командующий Цао, но он был в таком плохом настроении, что отказался спать с командующим. Командующий Цао не стал настаивать, боясь вызвать его безумие, только дал две пощёчины и пинком выгнал из комнаты. Лицо Шан Сижую горело, он свернулся на диване в гостиной, одетый, в полном смятении. Слуги в резиденции командующего, испугавшись гнева начальства и власти Чэн Мэйсинь, не осмелились подбросить дров в камин или дать ему одеяло, оставив его на произвол судьбы. К утру камин погас, и в гостиной стало холоднее, чем на улице. Шан Сижуй, дрожа, обнял подушку дивана, воспоминания о Пинъяне нахлынули, и обида от Командующего Цао показалась пустяком. Он провёл всю ночь в муках, и только к утру немного задремал. Но тут вернулась Чэн Мэйсинь, с шумом и криками, увидела Шан Сижую, свернувшегося, как щенок, и, почувствовав удовлетворение, громко засмеялась. Шан Сижуй, не дожидаясь её насмешек, вскочил и ушёл, шёл три часа, чтобы добраться домой. Затем немного поспал и снова отправился на дневной и вечерний спектакли.

Вечерний спектакль был посвящён Му Гуйин, и после него он был весь в поту, полностью измотан. Войдя в гримёрную, он откинулся на спинку стула, Сяо Лай принесла ему чай и поставила на туалетный столик. Чэн Фэнтай подошёл, схватил чашку и выпил до дна, затем, опершись на зеркало, полуприкрыв глаза, наблюдал за Шан Сижуюем, выпуская клубы дыма и стряхивая пепел в чашку.

Такое поведение было грубым и неприличным. Шан Сижуй всегда считал его аристократическим хулиганом, безответственным и аморальным. Обычно он вращался в высшем обществе, поэтому в нём было больше благородства, но сегодня он пришёл сюда,

чтобы устроить скандал, и в нём было больше наглости.

Сяо Лай с гневом смотрела на Чэн Фэнтая. Шан Сижуй был настолько измотан, что готов был заплакать, отдышавшись, сказал:

— Принеси ещё чаю — для Второго господина. Затем помоги мне снять грим, чтобы Второй господин не ждал долго. Эх...

Чэн Фэнтай наблюдал, как Шан Сижуй постепенно смывал грим, превращаясь из яркого лицедея в простого, чистого юношу. Только тёмные круги под глазами и немного опухшие щеки выдавали его усталость. Такой вид Чэн Фэнтай видел много раз — явные признаки ночной жизни.

Чэн Фэнтай подумал: «Ты хорош, испортил праздник моего сына, напугал молодожёнов до слёз, а потом отправился развлекаться с мужчинами. Тебя нужно проучить!»

Шан Сижуй вытер лицо, надел пальто и сказал Чэн Фэнтаю:

— Готов. Второй господин, пошли.

Сяо Лай сделала два шага вперёд, в её глазах читалось беспокойство. Шан Сижуй похлопал её по плечу, улыбнулся и сказал:

— Собери вещи и поезжай домой, жди меня, я вернусь поздно.

Сяо Лай кивнула.

Они сели в машину, и Чэн Фэнтай сказал:

— Поехали в Сяншань.

<http://bllate.org/book/15435/1368566>